

Чжэнь Вэньцзюнь с тяжёлым сердцем мерила шагами землю у крепостной стены уезда Цзе. К ней подбежала А-Си, держа в руках две чаши с похлёбкой, расплываясь в широкой улыбке:

– Скорей, скорей! Похлёбка только-только из котла, я умудрилась урвать две порции! Давай быстрее есть, их сварили всего десять чаш на всех! Опоздали бы и пришлось бы ждать до завтрашнего дня!

Чжэнь Вэньцзюнь приняла чашу, а А-Си уселась на корточки рядом с ней и принялась шумно хлебать суп. Она ела так жадно, что вся покрылась потом, и лишь осушив больше половины чаши за один вдох, наконец перевела дух и восторженно вздохнула:

– Эх, для счастья в этой жизни человеку нужна всего лишь одна чаша горячей похлёбки с клёцками. Какое блаженство, истинное блаженство!.. Ой, а ты чего не ешь?

Чжэнь Вэньцзюнь держала чашу в руках, но даже не осознавала, что именно в ней налито. В её мыслях до сих пор непрерывно крутились слова, которые только что бросила ей А-Синь.

Тогда, на городской стене, когда Ли Цзюй после попадания стрелы уже готов был рухнуть вниз, той, кто мёртвой хваткой перехватил его, действительно была Чжэнь Вэньцзюнь.

Она прекрасно понимала, какими последствиями обернётся падение Ли Цзюя. Для него лично этот полёт с высоты мог стать смертельным. А уж к какому колоссальному хаосу и потрясениям по всей Великой Юй привела бы внезапная гибель правителя, можно было предугадать без труда. Тот её мимолётный рывок был не просто инстинктивным желанием спасти человека, он вытащил на свет те глубокие, мучительные сомнения, которые она до сих пор прятала в самых потаённых уголках своей души.

Да, она люто ненавидела Се Фучэня и глубоко презирала Ли Цзюя - это было фактом. Однако с самого детства мать читала ей книги, и в тех историях о великих полководцах военачальники, которыми восхищались люди и которых безгранично любил простой народ, без исключения являлись преданными правителю патриотами, мудрыми, милосердными и справедливыми слугами престола. Тех же, кто осмеливался поднять руку на своего господина и совершить цареубийство, история всегда клеймила как отъявленных злодеев и предателей, чьи имена оставались покрыты вечным позором на тысячи лет.

В некоторых своих доводах А-Синь была кругом права: Ли Цзюй вовсе не был жестоким тираном или деспотом. Он был просто-напросто бездарен и немощен как правитель. Но разве можно лишать человека жизни лишь за то, что он обделён талантом управлять? Вот только он не обычный смертный, он сам Сын Неба. Глупость обычного простолюдина может погубить разве что его самого, но вот скудоумие и слепота императора неизбежно оборачиваются гибелью для сотен тысяч его подданных. Если оставить его в живых и позволить править дальше, он своей некомпетентностью погубит ещё больше невинных душ. Именно поэтому Чжэнь Вэньцзюнь в следующую секунду разжала пальцы.

Когда понятия добра и зла написаны на бамбуковых плашках аккуратным древним почерком

сяочжуань, всё кажется предельно ясным, простым и понятным каждому. Любой обыватель горазд порассуждать об этом на досуге. И причина, по которой в Поднебесной развелось бесчисленное множество любителей вести высокопарные философские беседы, кроется именно в том, что рассуждать о высоких материях легко и приятно на словах, но вот вершить судьбы своими руками в реальности совсем иная и страшная ноша.

Умри Ли Цзюй на месте после падения со стены, она официально стала бы его убийцей, ну или как минимум ключевым соучастником преступления.

И если после этого на трон взойдёт Ли Яньи, став первой в истории Поднебесной женщиной-императором, то она окажется той самой силой, которая подтолкнула колесо истории к этому великому повороту.

Чжэнь Вэньцзюнь терзалась сильной тревогой и сомнениями. Жизнь и смерть Ли Цзюя тянули за собой слишком огромный и запутанный узел последствий, и она не имела ни малейшего представления, к чему в итоге приведёт её сегодняшний поступок. Будет ли она по прошествии многих лет вписана в исторические хроники как героиня, или же грядущие поколения будут вечно проклинять её имя?

Пока Чжэнь Вэньцзюнь пребывала в этих мучительных колебаниях, по её затылку вдруг кто-то отвесил лёгкий, аккуратный щелчок. Поначалу она решила, что это балуется А-Си, и резко вскинула голову. Однако А-Си в этот момент, блаженно зажмурившись, как раз уплетала вторую чашу похлёбки. Ту самую, к которой сама Чжэнь Вэньцзюнь так и не притронулась. Заметив, что на неё смотрят, А-Си поспешно затараторила, оправдываясь:

– Я видела, что ты сидишь и вообще не ешь, вот и подумала, что тебе не хочется...

– Всё в порядке, ешь спокойно, – вздохнула Чжэнь Вэньцзюнь. – Только по голове меня больше не бей, ладно?

А-Си захлопала глазами от удивления:

– А? О, хорошо.

Чжэнь Вэньцзюнь попыталась вернуться к своей прерванной мысли о «вечном проклятии потомков». Она сорвала с земли тонкую травинку и принялась задумчиво завязывать её в узелки, что идеально отражало хаос и смятение в её собственной голове. Но стоило её мыслям вновь устремиться вглубь рассуждений, как по затылку снова прилетел точно такой же лёгкий щелчок.

– Ах ты, А-Си! – воскликнула Чжэнь Вэньцзюнь.

– Это не я, я ничего такого не делала! – А-Си отпиралась настолько искренне и чистосердечно,

что это совсем не походило на шутку.

Кто это тогда? - подумала Чжэнь Вэньцзюнь, заметив, как у её ног упал крошечный тряпичный мешочек. Похоже, именно этой вещицей в неё и целились. Чжэнь Вэньцзюнь отбросила травинку в сторону, резко поднялась на ноги и ринулась напрямик к тёмному силуэту, который пытался укрыться за выступом стены.

Незнакомец предпринял было попытку пуститься наутёк, но Чжэнь Вэньцзюнь не зря провела последние месяцы в непрерывных боях. Сделав один стремительный выпад, она настигла беглеца и мёртвой хваткой вцепилась в его поясной ремень, рванув назад. Тот, однако, оказался на редкость изворотливым. Почувствовав, что его схватили, он резко развернулся и наотмашь нанёс удар ребром ладони в область шеи Чжэнь Вэньцзюнь. Та мгновенно отклонила корпус назад, уходя от удара, а благодаря развитой на тренировках силе и гибкости мышц тут же спружинила вперёд. Её правая рука так и не выпустила чужой пояс, а левой она с силой упёрлась в стену, намертво зажав лазутчика в ловушке.

Чжэнь Вэньцзюнь и без того была по уши в мрачных мыслях, а тут ещё эти болезненные щелчки по затылку. Ей было по-настоящему больно, и она уже набрала в грудь воздуха, собираясь разразиться отборной бранью.

Она успела занести указательный палец и ткнуть им едва ли не в самый кончик носа незнакомца, но ругательства так и не сорвались с её губ.

- Э?! - Чжэнь Вэньцзюнь в испуге отшатнулась на шаг назад, решив, что перед ней явился выходец с того света.

Человеком, которого она только что прижала к стене, оказалась Линби. Глаза Линби от лукавой улыбки превратились в два аккуратных полумесяца. Она из последних сил пыталась сдерживаться, закрывая лицо руками, но в конце концов не выдержала и звонко, раскатисто расхохоталась.

- Надо же, какая шустрая мартышка! Всего ничего не виделись, а как набралась гонору, с ходу лезет к старшей сестре ремни расстёгивать! - Линби картинно упёрла руки в бока и сделала шаг вперёд.

Чжэнь Вэньцзюнь подсознательно отступила назад, совершенно растерявшись. Но вскоре глуповатое выражение на её лице сменилось привычной осознанностью. Она счастливо рассмеялась, рванулась вперёд и со всей силы заключила Линби в крепкие объятия:

- Как же я соскучилась по тебе-е-е! Сестрица Линби-и-и~!

От такого бурного порыва Линби едва не лишилась чувств, задыхаясь в её руках. Через плечо Чжэнь Вэньцзюнь она заметила А-Си, которая, бережно прижимая к себе две пустые чаши из-под супа, с любопытством высунула голову из-за угла стены. Наблюдая, как девушки

обнимаются, А-Си расплылась в весьма двусмысленной, ехидной ухмылке.

Линби густо покраснела от смущения и поспешно оттолкнула от себя подругу:

- Да ты меня задушишь сейчас! Ну-ка пусти, пусти! - она выставила руки вперёд, удерживая готовую от радости прыгать на месте Чжэнь Вэньцзюнь на расстоянии вытянутой руки.

- Но как ты здесь оказалась?! - засыпала её вопросами Чжэнь Вэньцзюнь.

- Как-как... Беспокоилась, не натворила ли ты тут глупостей на передовой, вот и приехала проводить.

- А сестрица Тинсюй?!

- Посмотри назад, как думаешь, кто там?

Чжэнь Вэньцзюнь стремительно обернулась. Позади неё, под пеленой кружащегося редкого снега, в своём четырёхколёсном кресле восседала Вэй Тинсюй. Закутанная в роскошный, тяжёлый меховой плащ, она ласково и тепло смотрела на неё, улыбаясь.

- Сестрица Вэньцзюнь, соскучилась ли ты по мне?

Этот тихий, мягкий вопрос Вэй Тинсюй заставил Чжэнь Вэньцзюнь, стоявшую посреди скованного льдом и снегом фронта, мгновенно почувствовать, как её сердце согревается подлинным весенним теплом. Её губы дрогнули, она тоже хотела было улыбнуться в ответ, но стоило улыбке коснуться лица, как её глаза неудержимо наполнились слезами. В груди вихрем всколыхнулась копившаяся месяцами детская обида и тоска. Она опустилась на одно колено прямо перед креслом Вэй Тинсюй и бережно сжала её ладони в своих руках:

- Соскучилась... Я так безумно соскучилась по тебе, сестрица. Я и подумать не могла, что выберусь живой из этой бойни и снова смогу увидеть тебя, я...

Вэй Тинсюй нежно погладила её по голове, ласково утешая:

- Ты ведь уже совсем взрослая, настоящая воительница, способная вести людей в бой. Что же ты до сих пор так легко распускаешь слёзы, словно маленькая? Ну-ка, дай мне хорошенько взглянуть на тебя, не ранена ли ты.

- Ранена! Да я вся с ног до головы в ранах! - пожаловалась Чжэнь Вэньцзюнь.

Линби тут же добродушно поддразнила её:

- Вся в ранах, а кричишь так, что уши закладывает! Живо отправляйся к лекарям на осмотр!

- Да где же взять лекарей, их всех до единого перебили в боях.

- Старшая Принцесса проявила милосердие к нашему воинству и позволила мне привезти с собой целый отряд лекарей, чтобы излечить раненых на передовой. Тебе тоже обязательно нужно показаться им, - Вэй Тинсуй заметила, что одежда девушки сплошь покрыта запёкшимися бурыми пятнами крови, которые та даже не подумала отстирать. Она осторожно потянула Чжэнь Вэньцзюнь за рукав и приподняла ткань: вся кожа на её предплечьях была покрыта грубыми, кое-как покрывшимися корочкой рубцами, которые никто толком не обрабатывал, а вокруг них темнели страшные иссиня-чёрные гематомы.

Вэй Тинсуй с глубокой болью в голосе произнесла:

- Ты ведь и сама наполовину лекарь. Как же можно было, получив раны, даже не попытаться обработать их самостоятельно? Или ты нарочно хочешь заставить меня умереть от тревоги?

Чжэнь Вэньцзюнь на самом деле давно привыкла к подобной боли и не придавала ей значения. Вокруг было полно людей, пострадавших куда сильнее неё. На передовую каждый шёл ради войны и уничтожения врагов, и пока голова оставалась на плечах, жаловаться было не на что. Однако эти слова Вэй Тинсуй и её полный тревоги взгляд в один миг заставили все её затянувшиеся раны заныть с невыносимой силой. Сердце девушки целиком затопило страстное, непреодолимое желание покапризничать и сойти за слабую, и она крепко, не отпуская, сжала ладони Вэй Тинсуй:

- Я честно хотела обработать раны, сестрица, но лекарств катастрофически не хватало, лечить было попросту нечем. Людей, пострадавших куда тяжелее меня и остро нуждавшихся в помощи, было слишком много, вот у меня руки и не дошли.

- Сильно болит? - кончики пальцев Вэй Тинсуй едва ощутимо, ласково скользнули по её израненной коже.

- Болит! - Чжэнь Вэньцзюнь прикусила губу, подтверждая свои слова с такой серьёзностью, словно приносила священную клятву.

- Идём со мной, - загадочно прошептала Вэй Тинсуй. - Открою тебе секрет: перед самым отъездом я взяла несколько уроков врачевания у почтенного господина Сюя, так что теперь вполне способна обрабатывать наружные раны и ушибы.

- Правда?!

- Попробуем, и сама увидишь.

Лицезреть перед собой Вэй Тинсюй, о которой она грезилась дни и ночи напролёт, казалось Чжэнь Вэньцзюнь чем-то нереальным, и у неё в груди скопился целый короб слов, которыми ей нетерпелось поделиться. Взгляд и речи Вэй Тинсюй заставили её сердце сладостно томиться, точно его скребли когтями дикие кошки, ей захотелось немедленно отыскать потайное местечко, где они остались бы только вдвоём, и говорить там три дня и три ночи напролёт.

Сяохуа, до этого безмолвно стоявшая позади Вэй Тинсюй, заметив, что Чжэнь Вэньцзюнь поднялась на ноги, проявила редкую понятливость: она сделала шаг назад, уступая поручни кресла.

Сегодня определённо какой-то особенный день, раз даже Сяохуа кажется чуточку милее обычного, - подумала Чжэнь Вэньцзюнь. Подхватив кресло, она вихрем помчалась вперёд. Вэй Тинсюй от такой скорости едва не потеряла равновесие и поспешно ухватилась за подлокотники.

- Ты... полегче! Береги безопасность госпожи! - в гневе закричала им вслед Сяохуа, указывая на Чжэнь Вэньцзюнь пальцем.

Та в ответ лишь обернулась, скорчила ей забавную рожицу и мгновенно скрылась за поворотом земляного вала.

Сяохуа выкрикнула это чересчур громко и вложила в слова слишком много злости, отчего её тут же забил сильный, непрекращающийся кашель. Она прикрыла рот рукой.

Линби, наблюдавшая за ней со стороны, заметила, что Сяохуа вдруг осеклась, застыла на месте, раскрыла ладонь, внимательно всмотрелась в неё, а затем резко сжала пальцы обратно в кулак.

- Что с тобой? - Линби почувствовала неладное и сделала шаг вперёд, окликая её:

- Твой недуг обострился?

Сяохуа не обернулась. Линби попыталась было развернуть её за плечо, чтобы заглянуть в лицо, но тело Сяохуа было подобно монолитному утёсу: сколько ни тяни, с места не сдвинешь.

- Будучи личной служанкой госпожи, ты должна чётко осознавать, кто является единственным объектом твоей заботы, - глухо произнесла Сяохуа. - Помимо госпожи, ты не имеешь права отвлекать своё внимание ни на одного другого человека в этом мире. И пусть госпожа всегда ласкова и добра с нами, это не повод забывать о своём истинном долге. Если из-за твоей халатности с госпожой случится беда, никто из нас не сможет искупить эту вину.

Линби возмутилась:

- Это ещё к чему? Ты намекаешь, что я пренебрегаю своими обязанностями перед госпожой?!

- Пренебрегаешь ты ими или нет, но твоё собственное сердце знает ответ лучше всего, - отрезала Сяохуа, развернулась и пошла прочь.

Линби подумала, что ей, пожалуй, до конца дней не найти общего языка с этой нелюдистой девкой, и у неё не было ни малейшего желания тратить время на пустые пререкания.

Однако, поразмыслив над её словами в одиночестве, она была вынуждена признать, что в упрёках Сяохуа крылась доля горькой правды.

Ведь чуть раньше, когда она издалека заметила Чжэнь Вэньцзюнь, стоявшую спиной к ней у стены, Линби, которая до этого лично везла кресло Вэй Тинсюй, внезапно поддалась весёлому порыву. Она без раздумий бросила госпожу на попечение Сяохуа и на цыпочках тайно подкралась к подруге, чтобы подшутить над ней. Поступать так ей действительно не следовало. Как-никак, в этом и заключался весь подлинный смысл её существования. Находиться неотлучно подле Вэй Тинсюй и оберегать её священный покой.

С тех самых пор, как её приняли в дом Вэй и она стала личной служанкой Вэй Тинсюй, забота о госпоже превратилась в единственный смысл её существования. Ей строго-настрого запрещено было привязываться к кому-то другому, пока Вэй Тинсюй не выйдет замуж. О собственном замужестве Линби не могла даже помышлять. А когда Вэй Тинсюй с головой погрузилась в пучину ожесточённой борьбы за власть, судьба самой Линби тоже оказалась обречена на вечную бурю. Все эти годы она, не отвлекаясь ни на миг, обустроивала быт Вэй Тинсюй и оберегала её безопасность, никогда не задумываясь о собственной доле и понятия не имея, что вообще означает слово «Я».

Но с каких-то пор в её душе начало робко прорастать давно забытое чувство тихой радости. Это было тепло, исходящее от обретения дома и близкого человека. Ощущение, которого она была лишена слишком долго. Она ловила себя на том, что начинает радоваться или переживать из-за собственных, личных дел. Линби твёрдо знала, что поступать так было неправильно. Допусти она хоть малейшую халатность в служении, и ей вовек не искупить вину перед семьёй Вэй за их великую милость.

Смирись и уймись, - мысленно приказала она себе, силой заставляя мысли вернуться в прежнее русло.

Единственным приличным жилищем во всём уезде Цзе оставалась временная императорская резиденция Ли Цзюя. Все остальные постройки в городе представляли собой убогие полуразрушенные лачуги из глины и соломы. Местные жители были безгранично благодарны героям, прогнавшим свирепую армию Чунцзиня, и, содрогаясь от мысли, что раненым будет негде залечивать травмы, без раздумий уступили им свои ветхие хибарки. Какими бы нищими и тесными ни были эти дома, они по крайней мере защищали от ледяного ветра и снега. Сами же крестьяне охотно ушли спать в пустые коровники и конюшни.

Чжэнь Вэньцзюнь поначалу было неловко оттого, что старикам-землякам приходится ютиться там, где обычно держат скотину, однако те твёрдо настояли на своём переезде. Чжэнь Вэньцзюнь и А-Си выделили одну комнату на двоих. Из-за круглосуточных забот об укреплении стен и перевязках у них физически не оставалось времени на уборку, поэтому все вещи в лачуге были хаотично разбросаны где попало.

И вот теперь приехала Вэй Тинсуй, а у неё даже не было пристойного места, чтобы принять дорогую гостью. Подкатив коляску к порогу, Чжэнь Вэньцзюнь попросила Вэй Тинсуй подождать минутку, а сама пулей влетела внутрь. Одним махом она сгребла со стола все грязные миски и палочки для еды, запихала их в стоявший подле деревянный сундук и точным ударом ноги загнала его глубоко под кровать. Следом она охапкой сгребла окровавленные бинты и грязные вещи. Прокрутившись несколько раз посреди этой крошечной улиточной норки, она поняла, что прятать хлам было негде. Недолго думая, она настежь распахнула окно и без церемоний швырнула весь тюк прямо на улицу. Заодно и морозный ветер ворвался в комнату, быстро выветривая скопившийся там странный застоялый запах.

Убедившись, что в лачуге больше ничем не пахнет, она принялась лихорадочно перерывать свой походный мешок и спустя время с триумфом извлекла оттуда обломок ароматической палочки. Эту палочку она втайне от всех прихватила с собой, когда покидала Жунин. Именно такие благовония чаще всего жгли в покоях Вэй Тинсуй. Тогда, уезжая, Чжэнь Вэньцзюнь надеялась, что этот тонкий древесный аромат станет её невидимым спутником на фронте, но, оказавшись на передовой, быстро поняла, что тут дай бог саму жизнь сберечь, куда уж там благовония жечь.

Зато теперь обломку наконец нашлось идеальное применение. Чжэнь Вэньцзюнь бережно зажгла его и аккуратно пристроила в углу комнаты, зажав с двух сторон камнями, чтобы палочка стояла ровно. Тонкая струйка сизого дыма потянулась к потолку, и комнату начал медленно окутывать родной, манящий аромат. На секунду Чжэнь Вэньцзюнь заглянула в осколок зеркала, да так и застыла. Господи, да она же сейчас похожа на высушенную, почерневшую на солнце картофелину! Ни капли былой свежести и румянца в лице! Уж не станет ли сестрица Тинсуй воротить от неё нос?

Ай, ладно! Всё равно лицом я перед ней уже посветила. Картошка так картошка, вот вернусь в Жунин и гарантирую, за месяц отъемся и верну прежний вид, - махнула она рукой.

Однако прямо сейчас перед ней встала куда более суровая и щекотливая дилемма.

Чжэнь Вэньцзюнь перевела взгляд на дно своего узелка, где лежало чистое платье, которое она берегла и так ни разу и не надела. Это была её единственная оставшаяся целой вещь.

То одеяние, что было на ней сейчас, мало того что пропиталось чужой кровью и оттого стало жёстким как панцирь, так ещё и превратилось в сущие лохмотья. В таком виде она походила не просто на картофелину, а на самого настоящего нищего. Вэй Тинсуй, преодолевая слабость, проделала столь опасный и долгий путь на передовую ради неё, а значит, Чжэнь Вэньцзюнь обязана была облачиться хоть во что-то приличное.

Но... если она переоденется прямо сейчас, не покажется ли это чересчур намеренным и глупым кокетством?

С другой стороны... если она останется в этих кровавых лохмотьях, не будет ли это верхом неуважения к госпоже?

Так как же быть... переодеваться или не переодеваться?

Вэй Тинсуй уже начала засыпать на улице, когда ветхая дверь перед ней снова медленно отворилась. Чжэнь Вэньцзюнь так и осталась в своих кровавых лохмотьях. Она удручённо произнесла:

– Прости, сестрица... Здесь всё слишком убого, а у меня даже нет приличного платья. Было одно целое, но я сейчас достала его и увидела, что его напрочь прогрызли мыши. Я... – Чжэнь Вэньцзюнь бессильно и горько усмехнулась. – Я просто не хотела, чтобы тебе здесь было неприятно и противно.

Глядя на то, как Чжэнь Вэньцзюнь растерянно мечется, не зная, куда девать руки от сквозящих в лицо обиды и смущения, Вэй Тинсуй не почувствовала ни капли брезгливости. Напротив, в эту минуту девушка показалась ей невероятно, бесконечно милой.

Вэй Тинсуй сама покатила кресло внутрь комнаты. Чжэнь Вэньцзюнь тенью последовала за ней, наблюдая, как её госпожа безмолвно разглядывает нищую плетёную лачугу, и совершенно не зная, что сказать.

– Жить в такой глуши... Тебе пришлось изрядно натерпеться здесь, сестрица, – когда Вэй Тинсуй обернулась к Чжэнь Вэньцзюнь, на её лице отчётливо читалось глубокое чувство вины и сожаления.

– Нет-нет, мне совсем не было тяжело! Вот только... только то, что ты мне поручила, я так и не сумела довести до конца, – Чжэнь Вэньцзюнь виновато опустила голову. – Я подвела тебя и не оправдала твоих надежд, сестрица.

– Сестрица, в подобных делах не стоит торопиться. Ни одно великое свершение не терпит суеты, иначе можно лишь наделать ошибок и получить обратный эффект.

– У меня был шанс, – Чжэнь Вэньцзюнь плотно прикрыла дверь и перешла на едва слышный шёпот, начиная тайную беседу. – Когда Ли Цзюя на городской стене прошила стрела, у меня была идеальная возможность оборвать его жизнь на месте. Но я... я не смогла нанести удар. Я упустила драгоценный момент.

В глазах Вэй Тинсуй на мгновение вспыхнул острый блеск:

- До меня доходили слухи, будто в тот миг на стене кто-то сначала успел перехватить Ли Цзюя, а секундой позже разжал пальцы.

- Да, это была я. В ту секунду, когда я увидела, что он срывается вниз, первой мыслью в моей голове вспыхнуло глупое: «Спаси человека!». В тот миг он не был для меня ни императором, ни кровным врагом. Просто живая душа, стоявшая на пороге неминуемой гибели. Но стоило мне мёртвой хваткой удержать его, как до меня дошло, ради чего я вообще явилась на этот северный фронт. Моя цель - забрать его жизнь! И тогда я разжала пальцы. Сразу после этого меня обуяло горькое раскаяние, мне следовало прикончить его прямо там, а теперь его умудрились выходить лекари... Я безумно, горько жалею о своей слабости!

- Ты испугалась?

Всего два этих коротких слова Вэй Тинсуй в один миг подвели итог всем мучительным терзаниям Чжэнь Вэньцзюнь последних дней. Они были подобны ювелирному уколу акупунктурной иглы, которая точно поразила воспалённый, заблокированный энергетический узел на её теле, выпуская застоявшуюся кровь, и её истосковавшаяся душа мгновенно распахнулась настежь.

- Да... мне было страшно, - Чжэнь Вэньцзюнь наконец призналась самой себе, что, оказывается, в глубине души она всегда чётко понимала, чего именно так сильно боялась. - Я испугалась, что если Ли Цзюй действительно погибнет прямо сейчас, армия Великой Юй будет окончательно деморализована и обратится в бегство. Тогда сотысячная лавина Чунцзиня беспрепятственно хлынет вглубь страны, сметая всё на своём пути. За те месяцы, что я провела на северных рубежах, я своими глазами увидела, как эти дикие варвары расправляются с людьми. Если пустить их в Центральные равнины, страшно даже вообразить, каким нечеловеческим пыткам и истреблению подвергнутся миллионы мирных жителей Великой Юй! Для этих тварей убийство не было способом дать отпор врагу ради защиты своих территорий, для них это просто забава. Они находят высшее наслаждение в жестоких казнях и истязаниях. Они... они в корне, абсолютно не такие, как мы.

Чжэнь Вэньцзюнь казалось, будто она уже полностью приласкалась к жестокости полей сражений. Однако, стоило ей начать делиться с Вэй Тинсуй тем, что она увидела и пережила за эти месяцы, как она с ужасом обнаружила, что её руки бесконтрольно, крупно дрожат. Ярость и страх ни на миг не покидали её сердца, а напротив, они пустили там прочные корни и проросли в самую глубину её души.

Вэй Тинсуй пристально посмотрела на её крепко сцепленные, побелевшие пальцы. Она медленно просунула свои ладони между её руками, бережно разжала судорожно сжатые пальцы Чжэнь Вэньцзюнь и взяла их в свои руки.

- За это время ты о многом передумала, и в твоей голове скопилось немало тревог, о которых ты так и не решилась мне рассказать. Несколько лет назад я сама мучилась точно такими же сомнениями. Если убить Ли Цзюя, если уничтожить этого так называемого «Сына Неба», не прорубим ли мы тем самым страшную брешь в небесном своде? Не хлынут ли из этой дыры в наш мир злые призраки и демоны, не принесут ли они человечеству вечную гибель? На

самом деле этот вопрос устроен до смешного просто. Мы обе прочитали множество книг. Канонические конфуцианские трактаты твердят нам, что мы обязаны до гроба быть верными своему правителю и любить родину, лишь тогда человека признают истинно добродетельным мудрецом, и именно к этому высшему признанию испокон веков стремились все поколения людей. Но ты задумывалась, почему правители прошлых династий отвергли сотни других философских школ и возвели в абсолют именно конфуцианство?

Чжэнь Вэньцзюнь затаила дыхание, ожидая её ответа.

- С древнейших времён нам внушают, будто власть правителя священна и дарована свыше, а сам правитель - избранник небесной воли, стоящий над десятками тысяч людей и вершащий их судьбы от имени богов. Однако нынешнее конфуцианство вовсе не то чистое учение, которое когда-то проповедовал святой Конфуций. Это совершенно новый сплав, вобравший в себя крупницы множества других течений. Путь человеколюбия и справедливости, правила долга между правителем и подданным, которые мы зазубривали с пелёнок... что это на самом деле? Это всего лишь изощёренный инструмент угнетения и контроля. Оружие, призванное заставить детей слепо подчиняться родителям, а слуг беспрекословно повиноваться правителю. Человек, ослеплённый «долгом и справедливостью», никогда не посмеет поднять смуту, а истинно «добродетельный» не решится на бунт. Благодаря этому абсолютная власть Сына Неба остаётся незыблемой и крепко зажатой в его руках. И неважно, правил ли страной в прошлом род Линь или правит ныне род Ли, каждый из них мечтал удерживать эту империю под своим контролем из поколения в поколение. Но посмотри, что происходит в реальности? Прошлые династии неизбежно уходят в небытие, а наш великий Первый предок-основатель в своё время сам был не более чем самым дерзким и отпетым «мятежником». Сегодня процветание, заложенное тем самым «мятежником», окончательно подошло к своему финалу. На смену ему грядёт совершенно новая эпоха и иные государственные законы. Эра, аналогов которой ещё не знала история и которую древние мудрецы не могли вообразить даже в самых смелых фантазиях. Неужели всё это происходит лишь потому, что на свет появились такие «предатели», как Ли Яньи, и такие злодейки, как мы с тобой? Разумеется, нет. Будь это делом лишь наших жизней, колесо истории не покатило бы вперёд с такой бешеной, сокрушительной скоростью и не раздавило бы Ли Цзюя. Почему Ли Яньи сегодня способна стоять на самой вершине власти и направлять клинок на империю? Бездарность Ли Цзюя - это раз. Полный упадок государственного аппарата - это два. Бешеное усиление внешнего врага - это три. Повальная зависимость армии и знати от наркотических порошков - это четыре. Непрекращающиеся природные бедствия и голод - это пять. Болезненная подозрительность, зависть к чужим талантам и репрессии покойного императора - это шесть! И таких скрытых причин великое множество, ведь, как говорят, даже лёгкие птичьи перья, накапливаясь тоннами, способны пустить ко дну тяжёлый корабль. Время пришло...

Вэй Тинсюй крайне редко снисходила до столь долгих речей. Когда на последнем вздохе она произнесла эту фразу, кончики её ледяных пальцев едва ощутимо коснулись щеки Чжэнь Вэньцзюнь, плавно очерчивая её контур и словно капля за каплей забирая её душу в свой полный плен.

- Пришло время до самого корня выкорчевать и сжечь то, что уже давно сгнило изнутри. Сама история выбрала Ли Яньи, выбрала нас. Смерть Ли Цзюя не будет означать гибель самого понятия императорской власти. Сегодня солдаты и мирные жители проливают кровь, думая, что бьются за Ли Цзюя, но завтра они точно так же с оружием в руках пойдут на смерть за

совершенно другого Сына Неба. Им, по большому счёту, всегда было плевать, какое именно имя носит человек на троне. Всё, что им по-настоящему нужно - это веская причина и мужество, чтобы снова облачиться в латы и поднять мечи. И то, что им способен дать Ли Цзюй, Ли Яньи даст им с гораздо большей щедростью и величием. Сделав этот шаг, мы раз и навсегда сожгли за собой все мосты. Если мы проявим малодушие и отступим сейчас, угадай, что нас ждёт? Думаешь, простое, лёгкое поражение, от которого можно будет оправиться позже? Нет. Это будет тотальный, сокрушительный крах, подобный панике разбегающихся зверей и улетающих птиц. Отказавшись убить Ли Цзюя, ты не спасёшь и не подтвердишь свою внутреннюю «добродетель». Нет! Всё, чего ты добьёшься - это лишь сослужишь верную службу топорам палачей Ли Цзюя и Се Фучэня, - Вэй Тинсюй пристально заглянула ей в глаза. - Неужели после всего пережитого ты до сих пор не поняла, что они за люди? Если ты всё ещё слепа, я помогу открыть тебе глаза.

Вэй Тинсюй с превеликим трудом поднялась со своего кресла, протянула руку к собственному поясу и распустила его. Распахнув полы одеяния, она обнажила перед ней своё тело, заставив Чжэнь Вэньцзюнь воочию, до мельчайших подробностей увидеть сокрытые под тканью леденящие душу шрамы.

- Раны на спине ты уже видела, но это лишь малая их часть... - мягкие, просторные полы одежды соскользнули с её плеч, обнажая руки, кости и суставы, которые были искалечены так, что уже никогда в жизни не смогли бы исцелиться до конца. Чжэнь Вэньцзюньхватило всего одного взгляда, чтобы в ужасе мгновенно отвести взор.

Её собственные руки задрожали в безудержной, крупной дрожи, она физически не могла поверить в то, что только что предстало перед её глазами.

- Вот она - подлинная абсолютная истина, - тон Вэй Тинсюй оставался кристально спокойным, но от этого спокойствия веяло могильным холодом. - Это истина, которую на моём теле совместно выжгли покойный император и Се Фучэнь. И каждый раз, когда в моей голове рождается глупое желание стать кроткой, милосердной и благородной барышней, чтящей законы морали, эти шрамы кричат мне о том, насколько подобная мысль смехотворна и нелепа.

Чжэнь Вэньцзюнь с низко опущенной головой бережно подобрала соскользнувшую одежду и аккуратно набросила её обратно на плечи Вэй Тинсюй, укутывая её тело. Следом она широко раскрыла руки и нежно заключила Вэй Тинсюй в свои объятия, прижимая к груди с такой великой осторожностью, словно держала самое хрупкое и бесценное сокровище во вселенной, и в то же время готовая отчаянно, изо всех сил вплавить её в собственное существо.

- Я знаю. Я всё-всё знаю, - Чжэнь Вэньцзюнь крепко зажмурилась, и её горячие слёзы крупными каплями покатались прямо в длинные волосы Вэй Тинсюй. - Прости меня... Пожалуйста, не нужно так делать. Отныне и до конца дней я, Чжэнь... я клянусь пройти ради тебя сквозь любые тернии, броситься в огонь и воду, и больше никогда и ни одной живой душе не позволю причинить тебе вреда.